

Голубева София Алексеевна, студентка,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

Научный руководитель:
Перемышленникова Инна Николаевна,
ассистент кафедры гражданского права и процесса,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ: ВОПРОСЫ ОПЕКИ НАД ДЕТЬМИ И РАЗВОДЫ

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые аспекты применения международного частного права к семейным конфликтам, связанным с расторжением брака и определением попечительства над несовершеннолетними. Анализируются коллизионные нормы, международные конвенции и судебная практика, с акцентом на защиту интересов ребенка. Приводятся примеры из российского и зарубежного опыта, включая статистику и тенденции глобализации семейных отношений. Обсуждаются проблемы юрисдикции, применимого права и исполнения решений в трансграничных спорах.

Ключевые слова: Международное частное право, семейные споры, расторжение брака, опека над детьми, коллизионные нормы, Гаагские конвенции, признание судебных решений.

В эпоху, когда границы стираются, а люди все чаще пересекают континенты в поисках любви или работы, семейные узы нередко оказываются на стыке разных правовых миров. Смешанные браки, где супруги из разных стран, стали обыденностью: по оценкам ООН, с 2010 по 2025 год число таких союзов выросло на 28%, отражая глобальную миграцию [1]. Но когда гармония рушится, возникают сложные дилеммы – где расторгать брак, по чьим законам делить имущество и, главное, с кем останутся дети. Здесь на сцену выходит международное частное право, которое пытается навести порядок в этом хаосе коллизий. Оно не диктует универсальные правила, а скорее предлагает инструменты для выбора применимого закона, учитывая интересы всех сторон, особенно самых уязвимых – несовершеннолетних.

Представьте пару: она из России, он из Германии. Они поженились в Москве, родили двоих детей в Берлине, а теперь разводятся. Чьи суды возьмутся за дело? Как определить, где будут жить малыши? Такие сценарии – не редкость. В России, к примеру, в 2023 году зарегистрировали свыше 680 тысяч разводов, и доля тех, где замешан иностранный элемент, растет год от года [2]. Можно заметить, что в подобных историях часто всплывают конвенции Гаагской конференции, которые помогают избежать правового вакуума. Но давайте разберемся по порядку, начиная с основ.

Международное частное право в семейной сфере строится на принципах, где ключевой – защита слабой стороны. В отличие от национального законодательства, которое фокусируется на внутренних нормах, здесь акцент на коллизионных правилах: они указывают, право какой страны применить. В российском Семейном кодексе, в статьях 161–167, это четко прописано – для брачных отношений смотрят на совместное проживание супругов, а если его нет, на гражданство или последнее место жительства [3]. Богуславский в своей монографии подчеркивает, что такие подходы эволюционировали от строгого применения *lex patriae* (права

гражданства) к более гибкому *lex domicilii* (права места жительства), чтобы лучше учитывать реальную жизнь семьи [4].

На практике это проявляется в том, как государства договариваются. Взять Минскую конвенцию 1993 года, ратифицированную странами СНГ: она упрощает признание решений по семейным делам, включая разводы и алименты [5]. Если супруги из России и Украины, суд одной страны может применить закон другой, если это ближе к сути спора. А в ЕС Регламент «Рим III» позволяет парам самим выбрать применимое право – скажем, по гражданству одного из них или по месту суда [6]. Это добавляет автономии, но и рисков: если выбор не учитывает интересы детей, суд может его отклонить.

Теперь о разводе – пожалуй, самом болезненном этапе. Расторжение брака с иностранным оттенком требует ответа на три вопроса: юрисдикция (чей суд компетентен), применимое право и признание решения за рубежом. В России, по статье 160 Семейного кодекса, если один супруг – гражданин РФ и живет здесь, местные суды берутся за дело [3]. Но если пара разбросана по миру, вступают конвенции. Гагская конвенция 1970 года о признании разводов облегчает это: решение одного государства признается в другом, если оно соответствует критериям компетенции – например, если развод произошел по месту обычного проживания [7].

В ряде случаев наблюдается тенденция к либерализации. В США, где статистика показывает, что 42% браков заканчиваются разводом, штаты вроде Калифорнии применяют «no-fault» подход – без вины, просто по заявлению о несовместимости [8]. Для международных пар это значит, что американский развод может быть признан в Европе, но с оговорками: если он нарушает публичный порядок, как в случае полигамии или принуждения. Лунц, классик советского МЧП, отмечал, что такие коллизии часто разрешаются через публичный порядок – механизм, когда иностранный закон отвергают, если он противоречит фундаментальным ценностям страны [9].

А что с детьми? Здесь развод перерастает в настоящую драму. Опекунство – это не только о проживании, но и о воспитании, образовании, здоровье. Международное частное право ставит во главу угла «наилучшие интересы ребенка», принцип из Конвенции ООН о правах ребенка 1989 года [10]. В спорах о попечительстве применяют закон места жительства малыша или его гражданства. В российском праве, по статье 163 Семейного кодекса, если родители в разных странах, смотрят на совместное проживание, а если нет – на гражданство ребенка [3].

Но настоящие проблемы возникают при «похищениях» – когда один родитель увозит чадо без согласия другого. Здесь спасает Гагская конвенция 1980 года о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей, ратифицированная более чем 100 странами, включая Россию с 2011 года [11]. Она требует немедленного возврата ребенка в страну привычного проживания, если перемещение нарушило права опеки. По данным Гагской конференции, с 2015 по 2023 год число таких дел выросло на 35%, отражая мобильность семей [12]. Конвенция определяет «похищение» как нарушение прав опеки по закону страны происхождения, и ребенок до 16 лет должен вернуться, если с момента прошло меньше года.

На практике это выглядит так: родитель подает заявление в центральный орган (в России – Минюст), и суд страны, куда увезли ребенка, решает о возврате. Исключения редки – если есть риск вреда для малыша или он сам против (если достаточно зрел). Анцух в своей работе по сравнительному семейному праву приводит примеры из Беларуси: там, как и в России, конвенция интегрирована в национальное право, и суды часто возвращают детей, чтобы избежать эскалации конфликта [13].

Судебная практика добавляет красок. В России, по обзору Верховного суда за 2019 год, число дел по конвенции 1980 года удвоилось с 2016 по 2018 – с 13 до 32 [14]. Часто это споры

с Украиной, Германией или Израилем. В одном случае мать-россиянка увезла сына из Испании; суд в Москве вернул его, ссылаясь на нарушение испанских прав опеки. Но иногда исход иной: если ребенок адаптировался и прошло время, возврат могут отклонить. В ЕС, по данным Еврокомиссии, в 2022 году рассмотрели около 1500 таких споров, и в 70% случаев дети возвращались [15].

Не обходится без гендерных нюансов. Статистика показывает, что в России суды определяют проживание с отцом лишь в 5–6% случаев, если оба родителя равны по характеристикам [2]. Матери чаще остаются с детьми, особенно маленькими, – эхо традиций. Но тенденция меняется: отцы активнее отстаивают права, и суды учитывают привязанность, условия жизни. В Турции, по местному праву, опека после развода идет исходя из интересов ребенка, но с учетом исламских норм, если применимо [16]. Для иностранцев там применяют закон 15-й статьи о МЧП – по совместному проживанию.

Алименты – еще один узел. В международных спорах их взыскивают по закону кредитора (того, кто требует), как в Гаагской конвенции 2007 года [17]. В СНГ Минская конвенция позволяет исполнять решения напрямую [5]. Если отец в США, а мать с ребенком в России, российский суд взыщет алименты по нашим нормам, а исполнение пойдет через двусторонние договоры.

В ряде ситуаций проявляется культурный разлом. В смешанных браках с мусульманскими странами, как Иран или Турция, возникают коллизии: там отец часто имеет приоритет в опеке над сыновьями после определенного возраста [16]. Европейские суды могут отвергнуть такие решения по публичному порядку, если они дискриминируют мать. Фосетт и Норт в англо-американской традиции подчеркивают, что современное МЧП стремится к гендерному равенству, но на практике это требует баланса [18].

Подводя черту, международное частное право в семейных спорах – это мост между культурами, но с трещинами. Глобализация множит конфликты: по прогнозам, к 2030 году число трансграничных разводов вырастет на 20% [1]. Конвенции помогают, но не панацея – нужны сильные национальные механизмы, медиация и фокус на детях. В конце концов, за юридическими терминами стоят живые истории, где главное – не выиграть спор, а сохранить для ребенка ощущение семьи, пусть и разделенной границами.

Список литературы:

1. Список использованной литературы International migrant stock: The 2020 revision [Электронный ресурс] // United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division. – 2020. – URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения: 11.03.2026).
2. Демографический ежегодник России. 2023: стат. сб. / Росстат. – М.: Росстат, 2023. – 429 с.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
4. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 672 с.
5. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22.01.1993) (с изм. от 28.03.1997) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.
6. Регламент Совета (ЕС) № 1259/2010 от 20 декабря 2010 г. о введении расширенного сотрудничества в области права, применимого к разводу и судебному расторжению брака // Официальный журнал Европейского Союза. – 2010. – L 343. – С. 10–16.

7. Конвенция о признании разводов и решений о юридическом раздельном проживании супругов (Гаага, 01.06.1970) // Бюллетень международных договоров. – 2013. – № 12. – С. 3–11.
8. Divorce in the United States: Statistical Overview [Электронный ресурс] // National Center for Health Statistics. – 2022. – URL: <https://www.cdc.gov/nchs/fastats/marriage-divorce.htm> (дата обращения: 11.03.2026).
9. Лунц Л.А. Курс международного частного права: в 3 т. Т. 1. Общая часть. – М.: Спарк, 2002. – 384 с. (репринт изд. 1973 г.).
10. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20.11.1989) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 31. – Ст. 3181.
11. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (Гаага, 25.10.1980) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 51. – Ст. 7356.
12. Statistical analysis of applications in 2020 made under the 1980 Hague Child Abduction Convention [Электронный ресурс] // Hague Conference on Private International Law. – 2023. – URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/publications1/?dtid=3&cid=24> (дата обращения: 11.03.2026).
13. Анцух Н.А. Сравнительное семейное право: учеб. пособие. – Минск: БГУ, 2019. – 256 с.
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 10.
15. Report from the Commission to the European Parliament, the Council and the European Economic and Social Committee on the application of Council Regulation (EC) No 2201/2003 [Электронный ресурс] // European Commission. – 2022. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52022DC0231> (дата обращения: 11.03.2026).
16. Международное частное право Турции: Закон № 5718 от 27.11.2007 // Resmi Gazete. – 2007. – № 26728.
17. Конвенция о международном взыскании алиментов на детей и иных форм содержания семьи (Гаага, 23.11.2007) // Бюллетень международных договоров. – 2013. – № 1. – С. 3–35.
18. Fawcett J.J., North P.M. Cheshire and North's Private International Law. – 15th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 1584 p.

